

A black and white photograph of a marble bust of a Roman emperor, likely Augustus, wearing a laurel wreath and a toga. The bust is set against a red background. The text "Геннадий ЛЕВИЦКИЙ" is written vertically on the right side.

Геннадий ЛЕВИЦКИЙ

РИМ и КАРФАГЕН

МИР ТЕСЕН ДЛЯ ДВОИХ

Геннадий Левицкий

**Рим и Карфаген.
Мир тесен для двоих**

«Автор»

2017

Левицкий Г. М.

Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих / Г. М. Левицкий —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-93196-970-1

Противостояние Рима и Карфагена – не просто один из эпизодов древности, а судьбоносная веха в истории нашей цивилизации. Эта книга о грандиозных событиях античности, о трех кровопролитнейших войнах, которые кардинально изменили политическую карту древности. Победитель получил весь известный мир, побежденный народ был уничтожен – до последнего человека; место, где стоял великий город, посыпали солью, дабы земля утратила жизненную силу. В повествовании много места уделяется поступкам исторических личностей, их характерам, необычным фактам – все это придает живость и естественность событиям, происходившим в глубокой древности, а книга, целиком основанная на исторических источниках, читается не труднее, чем исторический роман.

ISBN 978-5-93196-970-1

© Левицкий Г. М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
1. Карфаген	8
2. Человеческие жертвоприношения у карфагенян и римлян	13
3. Военные силы Карфагена	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Геннадий Михайлович Левицкий

Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих

«Я рассказал эти события для того, чтобы преподать урок читателям моей истории. Из двух путей к исправлению, существующих для всех людей, собственные превратности судьбы или чужие, первый путь, собственные несчастья, действеннее, зато второй, несчастья чужие, безвреднее. Никогда не следует выбирать добровольно первый путь, так как преподанный им урок покупается тяжкими лишениями и опасностями; напротив, мы всегда должны искать другого способа, ибо он дает нам возможность научиться без вреда для нас. Кто поймет это, тот должен сознаться, что лучшей школой для правильной жизни служит нам опыт, извлекаемый из правдивой истории событий. Ибо только она без ущерба для нас делает людей безошибочными судьями того, что лучше во всякое время и при всяком положении».
(Полибий. *Всеобщая история*.)

Предисловие

Рим и Карфаген — их истории во многом схожи. Даже основаны они с разницей всего в 71 год — что для мировой истории только миг. Рим начал свой жизненный путь в 754 г. до н. э. маленьким городком в Лации, каких по соседству были сотни; Карфаген в 825 г. до н. э. основали финикийские переселенцы — в числе множества других.

Греки осваивали бескрайние просторы Средиземного и Черного морей, в Азии земли соседей прибирала к рукам сверхдержава персидских царей, искоса поглядывая на Европу, а на периферии античного мира существовали два неприметных городка, которым в те времена никто не прочил великого будущего. Однако населявшие их народы с первых шагов своего существования показали характер. Оба государства благодаря упорному труду и честолюбию граждан превратились в мировые державы.

Рим мужественно отбивался от более сильных соседей и шаг за шагом раздвигал свои границы.

«Подчинив и усмирив Италию, римский народ, имевший от роду 500 лет, вырос и возмужал. И если есть на свете сила и молодость, то он, поистине сильный и молодой, стал соперником всему миру. Народ, который в течение пяти веков сражался у себя дома — так трудно было стать главою Италии, — в течение последующих двухсот лет с победами прошел по Африке, Европе, Италии и, наконец, по всему миру» (Флор).

Карфагеняне — это племя купцов — предпочитали действовать коварством и хитростью. Когда потомки переселенцев впервые появились на африканском берегу, то попросили у местных жителей столько земли, сколько войдет в шкуру быка. Естественно, в такой малости им не отказали. Тогда будущие жители разрезали шкуру быка на узкие лоскуты, связали их и растянули на берегу с весьма удобной гаванью. Земли в бычью шкуру попало столько, что хватило для постройки приличных размеров города.

Постепенно карфагенянам стало тесно в бычьей шкуре. Точно так же, как у находившегося на противоположной стороне Средиземного моря, Рима, у Карфагена начали появляться подвластные города, земли. Но в отличие от суровых римлян, пунийцы предпочитали воевать чужими руками — с помощью наемников, — которым иногда забывали выплачивать жалование.

И вот, когда две державы с одинаковой полярностью приблизились друг к другу, произошёл взрыв небывалой силы, выразившийся в трех мировых войнах. «Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и могущества», — с таких слов начинается Тит Ливий описание войны Ганнибала с Римом.

Пунические войны отличались от всех конфликтов античности не только масштабами, но и последствиями. От их исхода зависел дальнейший путь развития цивилизации. Чаша весов долго колебалась, прежде чем избрать народ, которому предстояло вершить судьбу мира. «А до какой степени было изменчиво счастье войны и непостоянен исход сражений, видно уже из того, что гибель была наиболее близка именно к тем, которые вышли победителями» (Ливий). Долгие колебания богов дорого обошлись народам, населявшим благодатное Средиземноморье — Италия, Испания, Африка, острова оказались затопленные не водой, но кровью. Даже спустя два тысячелетия соперничество Рима с Карфагеном остается одной из самых жестоких и кровопролитных войн, что вело когда-либо человечество.

История Пунических войн — это история превращения Рима из заурядного города в мировое государство. Именно на их примере можно видеть силу терпевшего жесточайшие поражения непобедимого народа; они позволяют понять, почему одолеть Рим невозможно, и следующие за войнами с Карфагеном завоевания видятся вполне логичными (хотя мы их не оправдываем). Увы! Римский характер был обречен владеть миром, ибо он не только над собой не мог терпеть чью-то власть, но не терпел народов находившихся вне его власти. Гордыня сгубит и Рим, но это будет гораздо позже, и с совершенно другим Римом — развращенным богатствами покоренных народов и рабами, делающими за него все; Римом, забывшим слова ОТЕЧЕСТВО, РОДИНА и требовавшим лишь двух вещей: ХЛЕБА и ЗРЕЛИЩ. Все это будет позже, а после разгрома Карфагена Вечный город обладал мощнейшим запасом прочности.

Именно во времена этих безумно жестоких войн наиболее ярко проявились черты характера народа-победителя... Впрочем, они нужны каждому кто желает добиться успеха.

Самое интересное, что римляне не ставили перед собой целей Александра Великого или персидских царей. После победы над Ганнибалом от них потребовалось очень мало усилий, чтобы мир упал к ногам когда-то безвестного городка в Лации.

Античный историк Полибий, сравнивая деяния прежних претендентов на мировое господство и римлян, делает вывод о несоизмеримости масштабов их завоеваний. «Так, некогда велики были владения и могущество персов; но всякий раз, когда персы дерзали переступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существование». Успехи македонян Александра Великого необыкновенны и удивительны; им удалось сокрушить огромную Персидскую державу и достичь таинственной Индии. Но, «как, по-видимому, ни далеко простиралась их власть и как ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах западной Европы, собственно говоря, не имели и понятия. Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его и подняли свое могущество на такую высоту, какая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками».

В 146 г. Рим сжег дотла Карфаген, разрушил каменные стены, оставшихся в живых пунийцев продал в рабство; место, где стоял ненавистный город, прокляли, посыпали солью и запретили его заселять. Казалось, с Карфагеном было покончено навсегда, обычно этим событием и заканчивают авторы, описывающие величайшее противостояние двух мировых держав. Так оно и было, уничтоженный народ никогда не возродился. Но...

Забота о выгоде насущной взяла верх над предрассудками. Спустя сто лет стараниями римлян на руинах возник новый Карфаген. Он столь же быстро рос и богател на благодатной почве — до тех пор, пока на процветающий город не положил глаз новый хищник, которому суждено было стать могильщиком Западной Римской империи.

То, что Рим уничтожил Карфаген, знает любой человек хотя бы немного знакомый с мировой историей, но, оказывается, будут правы и те, что скажут: Карфаген уничтожил Рим.

В 5 в. нашей эры в Африку переправился один из варварских народов и захватил территорию, которую ранее занимали пунийцы, а после 146 г. до н. э. — римляне. Карфаген стал столицей воинственного народа. А спустя 601 год после разрушения Карфагена из его гавани вышли корабли с воинами. Они сделали то, что не удалось Ганнибалу: гордый Рим был взят, подвергнут страшнейшему разгрому и разграблению. А вскоре Западная Римская империя прекратила свое существование, и виной тому был народ, поселившийся в Карфагене.

Месть настигла римлян спустя шесть столетий.

История противостояния Рима и Карфагена — интереснейший период мировой истории. Знакомство со знаковыми событиями античного мира, кроме прочего, позволяет понять общие законы человеческого развития; найти ответ на вопрос: почему одному государству предначертано великое будущее, а другое ожидает ужасный конец.

В книге много портретов знаменитых личностей эпохи Пунических войн, описаны их поступки, интересные факты из биографий.

Много страниц книги посвящено Ганнибалу, который вел самую жестокую войну против Рима фактически один, не получая поддержки Карфагена.

«Это была воистину выдающаяся личность, — пишет о вожде карфагенян немецкий историк Карл Фридрих Беккер. — В огненном его взоре светилась отвага гения, благородные черты лица говорили о хладнокровном благоразумии, голос и походка — о врожденном достоинстве повелителя. Ни в какой опасности не терял он присутствия духа, никакой труд не мог утомить его. Нечувствительный к жаре и холоду, равнодушный к наслаждениям, не приученный к размеренному образу жизни, готовый в любое время пожертвовать сном и отдыхом, он и от солдат своих требовал невероятных трудов.

Одним взглядом, одним ободряющим восклицанием поднимал он настроение утомленных воинов. С проницательностью великого полководца он сразу видел и обращал в свою пользу слабые стороны и просчеты противника. В то же время он был выдающимся государственным деятелем. В его героической личности народ видел своего достойнейшего представителя, а с другой стороны, войско благоговело перед ним, как перед своим кумиром».

Десятилетия великий пуниец держал в страхе гордый могущественный Вечный город, и лишь когда 63-летний старик принял яд в далекой Вифинии, римляне вздохнули с облегчением.

1. Карфаген

«Благодаря такому могуществу они не только сделали свой город соперником Рима, но и вели против римлян 3 великие войны. Это их могущество, пожалуй, яснее всего проявилось в последнюю войну, когда они были побеждены Сципионом Эмилианом и город их был совершенно разрушен. Ибо когда они начали эту войну, они владели в Ливии тремястами городов, а население их города составляло 700 000 человек».
(Страбон. География)

Предками карфагенян были финикийцы — древний удивительный народ. Их главный город — Тир — возник в 4-м тысячелетии до н. э. Уже в следующем тысячелетии он стал крупнейшим ремесленным и торговым центром. Город славился весьма редкими для тех времен производствами: выработкой пурпурных шерстяных тканей, изделий из слоновой кости и стекла. В числе знаменитейших изобретений финикийцев был алфавит — он существовал со 2-го тысячелетия до н. э. и лег в основу почти всех известных алфавитов.

Огромный город с многочисленным населением практически не имел пригодной для обработки земли, но древний народ не унывал, и не испытывал голода. Предприимчивые финикийцы занялись торговлей, постройкой кораблей и вскоре превратились в лучших в мире мореходов, а Тир стал центром мировой торговли.

Всем славны были финикийцы, — вот только воинственностью они не отличались. Финикийцы не участвовали в разделах, переделах мира, не выражали никаких претензий на мировое господство, хотя по уровню развития превосходили большинство соседних народов. Они довольствовались тем, что имели все богатства мира. По словам Теодора Моммзена, «через их руки проходят золото и жемчуг с Востока, тирский пурпур, невольники, слоновая кость, львиные и леопардовые шкуры из внутренней Африки, арабский ладан, льняные изделия Египта, глиняная посуда и тонкие вина Греции, медь с острова Кипр, испанское серебро, английское олово, железо с острова Эльба. Финикийские моряки доставляют каждому народу то, что ему нужно или что он в состоянии купить, и проникают всюду, с тем, однако, чтобы каждый раз возвратиться в тесное, но дорогое их сердцу отечество».

Пассивность в ратном деле стала национальной чертой финикийцев. Они всегда предпочитали выплачивать дань могущественным соседям, чем воевать. Как замечает Моммзен, происходило это не из-за трусливости, ибо плавание по Средиземному и прочим морям было всегда сопряжено с опасностью: это и бури, периодически уничтожавшие целые флоты вместе с командами и процветающее пиратство. Просто финикийцы умели считать и понимали, «что закрытие караванных путей, ведущих на Восток, или египетских гаваней обойдется им гораздо дороже самой тяжелой дани; поэтому они предпочитали аккуратно уплачивать подати то Ниневии, то Мемфису и даже в случае необходимости участвовали со своими кораблями в битвах их царей. Финикийцы не только у себя дома терпеливо выносили иго своих повелителей, но и вне своего отечества вовсе не стремились к замене мирной торговой политики политической завоевательной».

Эту удивительную покорность судьбе, стремление мирными путями решить конфликт с ущербом для себя можно объяснить лишь фатальным предчувствием: весь народ погибнет, если попытается изменить роль, предназначенную ему кем-то свыше. (Карфаген изменил тысячелетней политике предков — случилось то, чего боялись финикийцы). А ведь финикийцы сражались весьма неплохо, когда враг не довольствовался выкупом и приходил завладеть их собственным домом. Более полугода осаждал Тир молниеносный Александр Македонской, прежде чем взял его штурмом.

Когда враги сильно начали доставать финикийцев, многие граждане начали организованно переселяться на периферию известного мира. В конце 2-го — начале 1-го тыс. до н. э. выходцами из Тира были основаны колонии на Сицилии и Кипре, в Испании и Северной Африке. Среди них, конечно же, выделяется Карфаген.

Самое известное из африканских поселений финикийцев было основано в 825 г. до н. э. Карфаген вынес из своей метрополии принцип мирного сосуществования, первое время он исправно платил дань местным племенам. Однако царьку по имени Ярба денег показалось мало, и он потребовал руку основательницы Карфагена — царицы Дидоны (Элиссы). Гордой женщине брак показался малопривлекательным, и она предпочла самоубийство.

То было ужасное время для финикийских переселенцев:

«Нумиды мчатся, спеша полонить беззащитное царство,
Ярба, неистовый мавр, овладевает дворцом.
И говорит, не забыв, сколько раз был он презрен Элиссой:
«Вот я, отвергнутый ей, в брачном покое ее!»
Все врассыпную бегут тирийцы, точно пчелы,
Сами не зная, куда им без царицы лететь»

(Овидий).

Хотя, по свидетельству Овидия, нумидийцы и захватили Карфаген, но очень скоро по какой-то причине покинули его. Скорее всего, разграбив все что можно, кочевники вернулись к привычному образу жизни. А карфагеняне выстроили такие стены, что лишились страха перед окружающими их племенами дикарей. В 7-м веке до н. э. на их далекой родине, в финикийских городах, свирепствовали ассирийцы, — что и обеспечивало постоянный приток населения, бежавшего с родины в удаленную колонию. А спустя 160 лет после основания города карфагеняне создали собственную колонию на Балеарских островах.

Будущие карфагеняне выбрали чрезвычайно удобное место для своей новой родины. Удаленность города от самых мощных античных хищников позволило ему динамично развиваться на протяжении многих веков. Пока ассирийцы, персы, македоняне где-то далеко на востоке сражались за власть над всем миром, карфагеняне занимались привычным делом предков: торговали и богатели. Этому не мешала удаленность от основных коммерческих центров: прекрасные мореплаватели, карфагеняне, превратили море в удобную дорогу; а по скорости передвижения на водной глади им не было равных.

Не только Средиземное море привычно бороздили суда карфагенян; плавали они и за Геракловы Столбы (Гибралтарский пролив). Открытый ими остров во время плаванья по Атлантическому океану весьма загадочен, его трудно отождествить с какими-либо землями... Не его ли обнаружил Колумб спустя две тысячи лет после карфагенян, и событие это стало величайшим открытием человечества?...

Однако послушаем Диодора Сицилийского: «Итак, в открытом Океане, со стороны Ливии лежит остров значительной величины, находящийся на расстоянии многих дней пути к западу от Ливии. Остров отличается плодородием, значительная часть его горная, но есть там и немалая равнина необычайной красоты. Орошают эту равнину текущие по ней судоходные реки, много там густых заповедных рощ со всевозможными деревьями, и множество садов, в которых текут ручьи сладкой воды. Есть там загородные дворцы роскошной постройки, а в садах — пиршественные залы, заполненные цветами, в которых обитатели острова проводят время в летнюю пору, земля же эта щедро предоставляет все необходимое для наслаждения и удовольствия. Горная же часть острова покрыта густыми лесами, в которых растут всевоз-

можные плодовые деревья, а для времяпровождения в горах есть множество долин и источников. Вообще же на этом острове текут в изобилии ручьи родниковой и сладкой воды, которые не только доставляют обитателям его приятное наслаждение, но и способствуют здоровью и телесной крепости. Для охотников есть здесь множество всякого зверья и дичи, которую подают на пиршественный стол, и благоденствующие жители острова не испытывают нужды ни в чем из роскоши и наслаждений. В море близ острова водится множество рыбы, поскольку уже по своей природе Океан изобилует всевозможной рыбой. И вообще климат острова настолько мягкий, что большую часть года здесь созревают обильные урожаи древесных плодов и прочих растений, и из-за столь необычайного благоденствия считают даже, будто это обиталище не людей, а неких богов.

В древние времена остров этот был неизвестен по причине значительной его удаленности от всего прочего обитаемого мира, но затем был открыт вот при каких обстоятельствах...

Итак, финикийцы, которые исследовали... берега за Столбами и плыли вдоль Ливии, были заброшены бурными ветрами далеко в Океан. Гонимые бурями в течение многих дней, они оказались занесены к берегам вышеупомянутого острова и увидели воочию здешнюю богатую природу, после чего слухи об острове разнеслись повсюду. Поэтому и тиррены, господствовавшие на морях, задумали основать на этом острове поселение, но карфагеняне воспрепятствовали им, поскольку, с одной стороны, опасались, как бы, узнав о достоинствах острова, многие из жителей Карфагена не переселились туда, а с другой, рассматривали его как убежище на случай превратностей судьбы, если бы Карфагену грозило полное уничтожение. Ведь господствуя на море, они могли все, со всеми своими семьями переправиться на остров, неизвестный более сильным врагам».

Надо заметить, что сведения о богатом огромном острове в океане часто присутствуют в описаниях древних авторов, начиная с Платона с его загадочной Атлантидой. Некоторые историки пытались отождествить остров Диодора Сицилийского с Мадерой, однако на последнем не имеется «судоходных рек». Гораздо с большей вероятностью можно предположить, что неутомимые мореплаватели — карфагеняне все же достигли Америки; а столь часто упоминаемые «ручьи сладкой воды» ни что иное, как добываемый индейцами сок сахарного тростника.

Псевдо-Аристотель также подтверждает сведения Диодора о неведомом острове: «Передают, что в море за Геракловыми Столбами карфагеняне обнаружили необитаемый остров, полный всевозможной растительности, полноводных судоходных рек, изобилующий удивительными плодами; остров этот находился на расстоянии многих дней плавания».

«Удивительные плоды»... это, видимо, те, что не произрастали в Северной Африке. Карфаген удивлял мир своими фруктами, а их величина и красота вызвали зависть Катона, — того самого, что любую речь в сенате начинал со слов: «Карфаген должен быть разрушен!». Только специфически американские виды растительности могли вызвать изумление вездесущих мореплавателей.

Почему же карфагеняне не воспользовались своим великим открытием? Почему в Америке не обнаружены следы их пребывания?

Дело в том, что высшие власти Карфагена позаботились, чтобы случайная находка мореплавателей осталась тайной. Далее Псевдо-Аристотель рассказывает, как карфагеняне разобрались со своими первооткрывателями: «Поскольку между карфагенянами часто возникали столкновения из-за обладания столь счастливым местом, — пока там никто не поселился, карфагенские власти распорядились, чтобы всякий намеревающийся туда отправиться был приговорен к смерти, а также умерщвлены все там уже побывавшие, чтобы предотвратить массовое переселение на остров, дабы не было соперников карфагенскому владычеству и могуществу».

Со временем цивилизация во всей своей красе докатилась и до Западного Средиземноморья. Греки колонизировали Сицилию, появились в непосредственной близости от поселений финикийцев в Африке, основали свои фактории в Испании. Поневоле карфагенянам пришлось не только торговать, но и воевать. Впрочем, это занятие им пришлось по вкусу, ибо до поры до времени войны были довольно удачными и велись они чужими руками.

Карфагеняне значительно расширили территорию в Ливии; и не только за счет земель коренного населения — их же собратья, финикийские города, вынуждены были признать власть Карфагена, причем, далеко не номинально. Тяжелой данью были обложены все финикийские поселения (один только Малый Лептис ежегодно выплачивал 465 талантов), их обязали поставлять вспомогательные войска, а во избежание бунтов было приказано срыть все городские стены. Лишь старинный могучий город Утика избежал позорной участи, получив титул союзника.

Более жестоко карфагеняне обращались с подвластным ливийским населением. По словам Полибия, у деревенских жителей они забирали в качестве налога половину урожая, горожанам также увеличили выплаты вдвое. «При этом не было никакой пощады неимущим и никакого снисхождения; правителей отличали и ценили не тех, которые обращались с народом мягко и человеколюбиво, но тех, которые доставляли им наибольшие сборы и запасы, а с туземцами обращались крайне жестоко».

Вскоре ливийские приобретения стали лишь одной из частей карфагенских владений. В Испании они подчинили старинную тирскую колонию Гадес, а также богатейшие серебряные рудники. Еще раньше пунийцы (так называли карфагенян римляне) прибрали к рукам Балеарские острова. Карфагеняне не только остановили движение греческой колонизации на запад, но и отобрали у греков западную часть Сицилии. Корсика и Сардиния и даже Мальта также были благополучно присоединены к государству, позабывшему из-за удач о принципе мирного сосуществования, которого придерживались предки.

Пунийцы ревностно оберегали свои владения. «Современник Пунических войн, отец географии Эратосфен, свидетельствует, что карфагеняне бросали в море всякого попавшего в их руки мореплавателя, который осмеливался направляться к берегам Сардинии или к Гадесу» (Моммзен).

Еще более усилило могущество Карфагена, как ни парадоксально, бедствия метрополии, давшей когда-то ему жизнь. В 332 г. до н. э. Александр Македонский после длительной осады взял город Тир. Многолюднейший город мира достался великому завоевателю почти пустым. По свидетельству Диодора Александр велел повесить всех юношей, защищавших стены — их «было не меньше 2 тысяч»; остальных пленных обратил в рабство — таких «оказалось больше 13 тысяч». Цифры ничтожные для города, державшего в своих руках значительную часть мировой торговли.

Оказывается, что во время осады Тира «большая часть населения была увезена в Карфаген». Благодаря притоку соотечественников Карфаген превратился в могущественнейшее государство Средиземноморья. По свидетельству Страбона, накануне 3-й Пунической войны карфагеняне «владели в Ливии тремястами городов, а население их города составляло 700 000 человек».

Поражают воображение и сам город, застроенный шестиэтажными домами, и стены, сделавшие его неприступным. «Карфаген был расположен в самой внутренней части очень большого залива и был очень похож в некотором роде на полуостров, — читаем описание Аппиана Александрийского. — От материка его отделял перешеек, шириной в двадцать пять стадиев... Часть города, обращенная к морю, была окружена простой стеной, так как была построена на отвесных скалах, та же часть, которая была обращена к югу в сторону материка, была окружена тройной стеной. Из этих стен каждая была высотой до тридцати локтей (15 м), не считая

зубцов и башен, которые отстояли друг от друга на расстоянии двух плетров (400 м), каждая в четыре яруса; ширина стены была тридцать футов (8.5 м); каждая стена делилась по высоте на два яруса, и в ней, бывшей полой и разделенной на камеры, внизу обычно стояли триста слонов и находились склады пищи для них. Над ними же были лошадиные стойла для четырех тысяч коней и хранилища сена и овса, а также казармы для людей, примерно для двадцати тысяч пеших воинов и четырех тысяч всадников. Столь значительные приготовления на случай войны были у них раньше сделаны для размещения в одних только стенах.

Гавани Карфагена были взаимно связаны, так что можно было проплывать из одной в другую: вход же в них из открытого моря был шириной в семьдесят футов (22 м), и запирался он железными цепями. Первая гавань была предоставлена торговым судам, и в ней было много различных причалов; во внутренней же гавани посредине был остров, и как этот остров, так и гавань были охвачены огромными набережными. Эти набережные были богаты верфями и доками, рассчитанными на двести двадцать кораблей, и помимо верфей, складами, где держалось все нужное для оснащения триер».

Таким образом, владения пунийцев приблизились к городу, определенному судьбой стать могильщиком заносчивого Карфагена. Видимо потомки финикийских переселенцев особым чутьем определили, откуда исходит опасность, ибо с Римом, не имевшим большого веса в тогдашнем миропорядке, было заключено несколько мирных договоров в разное время. Общий смысл последнего соглашения был таков: для римлян закрыта Сицилия, а для карфагенян Италия. Впрочем, эти предосторожности карфагенянам не помогли: желание властвовать над миром оказалось сильнее любых клятв и дружеских договоров.

2. Человеческие жертвоприношения у карфагенян и римлян

*«Чтобы теперь незамедлительно исправить свое упущение, они принесли в жертву от имени государства двести сыновей знатных родов; и еще не менее трехсот принесли себя в жертву добровольно»
(Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.)*

Свою религию карфагеняне привезли вместе со всем скарбом из Финикии. Их боги были суровы, а некоторые и весьма жестоки.

Верховным богом Тира (соответственно, и Карфагена) являлся Мелькарт. Он покровительствовал мореплаванию и финикийской колонизации. Мелькарт очень любил подвиги; его часто изображали борющимся со зверями или чудовищами — потому греки отождествляли Мелькарта с Гераклом. Часто одеждой воинственного бога служила львиная шкура.

Богиню Тиннит (Танит) почитали во многих финикийских городах, но ее культ стоял на втором плане — после богини Астарты, и лишь в Карфагене Тиннит пользовалась особым почетом. Богиня-дева, предстающая в образе луны, повелевала небом, управляла ветром и дождем, была покровительницей плодородия и деторождения.

Символом Тиннит был голубь; она изображалась в виде крылатой женщины с лунным диском в руках, прижатых к груди. В качестве средства передвижения богиня использовала льва.

Впрочем, к человеческим жертвоприношениям Тиннит имеет лишь косвенное отношение, поскольку часто изображалась в паре с богом Баал-Хаммоном, их принято считать супружеской четой. Даже обязанности у них были схожие: муж Тиннит — бог солнца — отвечал за плодородие земли и мужскую силу человека. Баал-Хаммон изображался в виде могучего старца с посохом в руке, наконечником которого был колос или сосновая шишка — символы бессмертия и мужской плодовитости.

Греки отождествляли Баал-Хаммона с Сатурном.

Именно с мужем Тиннит — этим благочестивым старцем — и связана самая жестокая и бесчеловечная страница истории Карфагена. Дело в том, что Баал-Хаммону требовались человеческие жертвы, причем, бог был изысканным гурманом — его аппетит могли удовлетворить только сыновья из самых знатных карфагенских семейств.

Какой родитель желает отдать собственного ребенка на публичное сожжение в печи Баал-Хаммона, если он не закоренелый фанатик? Хитрые карфагеняне нашли выход: они тайком покупали детей рабов и выращивали их для этой цели. Когда приходило время великой жертвы, карфагеняне с радостными лицами отдавали «своих» детей на съедение богу. (Радоваться полагалось не от того, что обманули бога, но сам процесс удовлетворения жестокой похоти Баал-Хаммона считался событием праздничным).

Жертвоприношение происходило следующим образом: «у карфагенян была медная статуя Сатурна, протягивающая вперед ладони рук, наклоненные к земле таким образом, чтобы мальчик, которого на них клали с целью жертвоприношения, соскользнул и упал прямо в глубокую огненную печь» (Диодор).

Так происходило долгое время, но в конце 4 в. до н. э. на Карфаген разом обрушились многие несчастья. В 309 г. до н. э. карфагенское войско потерпело страшнейшее поражение под стенами Сиракуз на Сицилии.

Удача настолько окрылила сиракузского тирана Агафокла, что он перенес войну на африканскую землю. Ему удалось захватить Тунет — крупный город, подвластный Карфагену. Пунийцы спешно набрали новую армию и под руководством Бомилькара и Ганнона отправили

навстречу грекам. И это карфагенское войско Агафокл разбил, один из военачальников — Ганнон — погиб. Узнав о неприятностях карфагенян, восстали подвластные им нумидийцы.

Мятеж нумидийцев удалось подавить, но следующая неприятность пунийцев ожидала на улицах самого Карфагена. В 308 г. до н. э. военачальник Бомилькар решил захватить власть в свои руки: в городе повсюду шли уличные бои, началась страшная паника, ибо карфагеняне решили, что в город ворвались греки Агафокла.

При таких обстоятельствах вполне естественной была мысль, что город постиг гнев богов. О том, что жертвоприношения Баал-Хаммону были не совсем должного качества, знало слишком много людей, и потому причину недовольства бога нашли скоро. «И когда был проведен строгий розыск, то среди предназначенных в жертву были найдены дети, специально подмешанные и поставленные на место других, — сообщает Диодор Сицилийский. — Взвешивая все это в уме и видя теперь врага, стоящего у их стен, они были охвачены таким приступом суеверия, как будто полностью отвергли религию своих предков. Чтобы теперь незамедлительно исправить свое упущение, они принесли в жертву от имени государства двести сыновей знатных родов; и еще не менее трехсот принесли себя в жертву добровольно».

После такого жертвоприношения жизнь Карфагена начала налаживаться. Мятеж Бомилькара подавили, а его самого предали жестокой казни. Сицилийского тирана Агафокла не только выбросили из Африки, но и принудили заплатить большую контрибуцию.

Некоторые исследователи утверждают: поскольку история пишется победителями, римляне намеренно пытались очернить Карфаген, возводя на него небылицы. Дикий обряд прибавил немало дурной славы Карфагену и являлся одним из оправданий для римлян, стерших город с лица земли.

Однако в новейшее время археологи обнаружили в подвалах храма богини Тиннит множество керамических сосудов с прахом младенцев. Такие же погребальные урны во множестве обнаружены при раскопках других пунийских городов. Впрочем, то были дела давно минувших дней: во времена Пунических войн ни один античный автор не упоминает о человеческих жертвоприношениях у карфагенян — они, как и остальные народы, перешли на животных. А вот сами римляне, изо всех сил старавшиеся опорочить заклятого врага, гораздо позже карфагенян отказались от страшных жертв.

Источники показывают, что в трудные времена римляне пытались добиться благосклонности богов примерно таким же изуверским способом. Один случай описывает Тит Ливий.

В 216 г. до н. э. римляне потерпели страшнейшее поражение при Каннах. В дополнение к этому несчастью сразу две весталки, Отилия и Флорония, были уличены в блуде — последнее событие для богобоязненных римлян было едва ли не страшнее поражения в битве с Ганнибалом. Одна весталка покончила с собой, вторую, по традиции, живой закопали в землю подле Коллинских ворот.

«Квинта Фабия Пиктора послали в Дельфы спросить оракула, какими молитвами и жертвами умиловить богов, и когда придет конец таким бедствиям; пока что, повинувшись указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям».

Ливий, пытаясь оправдать римлян, скромно пишет о необычности жертвы, чуждости ее римским священнодействиям... Однако из цитаты видно, что подобная практика была не такой уж и редкостью, если на Бычьем рынке существовало даже определенное место для обряда. И, конечно, ни религия, ни законы не запрещали такие жертвоприношения. Более того, римляне действовали по указанию Священных книг.

Несколько ранее, во время тяжелой войны с галлами 225–222 г. до н. э. римляне подобным же образом пытались умиловить богов. Другой автор, Плутарх, также пытается смягчить недостойные деяния римлян: «Обычно избегающие всего варварского и чужестранного и в своих суждениях о богах следующие, насколько это возможно, греческой умеренности, римляне тут, когда вспыхнула эта война, вынуждены были покориться неким прорицаниям в Сивиллиных книгах и на Бычьем рынке зарыли живьем в землю двоих греков — мужчину и женщину — и двоих галлов — тоже мужчину и женщину; по этой причине и до сих пор совершаются в ноябре тайные священнодействия, видеть которые грекам и галлам воспрещено».

А вот свидетельство Орозия о подобном мероприятии: «В третий год (227 г. до н. э.) могущественные понтифики нечестивыми жертвоприношениями бессовестным образом обогатили кровью несчастный город; ибо ведь децемвиры, следуя обычаю древнего суеверия, на Бычьем рынке погребли живыми галльского мужа и галльскую женщину вместе с гречанкой. Однако то магическое действо имело обратный результат, ибо те ужасные убийства чужеземцев, которые были совершены, римляне очистили от скверны позорной гибелью своих (воинов)».

О человеческих жертвоприношениях на Бычьем рынке сообщает и Плиний Старший.

Человеческие жертвоприношения римлян более известны нам в другой форме.

В 264 г. до н. э. Децим Юний Брут впервые устраивает гладиаторские игры в память о своем умершем отце. На Бычьем рынке было выставлено три пары бойцов, одновременно сражавшихся друг против друга.

Позже пролитие крови гладиаторов на арене станет любимым зрелищем римлян, но гладиаторский бой, устроенный Брутом был призван умиротворить дух богов. Именно как погребальная жертва, заимствованная у этрусков, гладиаторские бои будут еще долгое время проходить в честь умерших. И не случайно первый бой состоялся именно на Бычьем рынке, который, согласно сведениям античных авторов, и был местом принесения людей в жертву.

Индустрия жестокого развлечения развивалась и требовала новых, необычных грандиозных жертв. Кровавые жернова уничтожат сотни тысяч жизней на потеху толпе. Накануне спуска воды из Фуцинского озера в 52 г. Клавдий устроил навахию (морскую битву), в которой участвовало 19 тысяч гладиаторов на 100 кораблях, разделенные на два враждебных флота: «сицилийский» и «родосский». И это только один бой!

Что есть битва гладиаторов? Театр, спорт или самое настоящее человеческое жертвоприношение???

3. Военные силы Карфагена

«В течение шестнадцати лет войны с римлянами в Италии Ганнибал ни разу не уводил своих войск с поля битвы; подобно искусному кормчему он непрерывно удерживал их в повиновении, огромные полчища, к тому же не однородные, но разноплеменные, сумел охранить от возмущений против вождя и от междоусобных раздоров».
(Полибий. *Всеобщая история*.)

В начальной истории Карфагена войско состояло из народных ополченцев. Однако пунийцы — нация торговая, и меч в руки брали весьма неохотно. Ко времени Пунических войн они настолько обленились, что предпочитали воевать наемной армией. Карфагенская знать лишь служила в так называемом «священном отряде» и поставляла командиров для разноплеменного воинства.

Карфаген, будучи одним из богатейших городов мира, мог себе позволить воевать чужой кровью. Подобный каприз дорого обходился пунийцам, и не только, и не столько в денежном выражении. Наемники сражались не за родину, а исключительно за деньги и военную добычу. Они были великолепны, как мастера своего дела, но лишь в тех случаях, когда война была победоносной, противник слабым, а добыча и жалование удовлетворяли их аппетиты. Но солдаты удачи не привыкли стойко переносить трудности войны, серьезного противника и кровавых битв, а задержка или невыплата жалования довольно часто превращала наемников во врагов их же работодателей.

Почти насильственно мобилизовывались и подвластные Карфагену ливийцы. Однако из-за грабительских налогов и презрительного отношения к ним пунийцев, у жителей Ливии защищать интересы Карфагена желание было не больше, чем у наемников. Во время периодически возникавших мятежей и они часто принимали враждебную карфагенянам сторону. Аппиан Александрийский говорит, что после 1-й Пунической войны «ливийцы были раздражены на них за избиение трех тысяч своих сограждан, которых карфагеняне распяли за то, что они перешли на сторону римлян».

Чтобы управлять разноязыкой, склонной к неповиновению, массой, необходимо было обладать незаурядным талантом. Человек, который виртуозно вел к победам такое войско, вызывает восхищение даже врага карфагенян — Полибия. «В течение шестнадцати лет войны с римлянами в Италии Ганнибал ни разу не уводил своих войск с поля битвы; подобно искусному кормчему он непрерывно удерживал их в повиновении, огромные полчища, к тому же не однородные, но разноплеменные, сумел охранить от возмущений против вождя и от междоусобных раздоров. В войсках его были ливияне, иберы, бигуры, кельты, финикийцы, италийцы, эллины — народы, не имевшие по своему происхождению ничего общего между собой ни в законах, ни в нравах, ни в языке, ни в чем бы то ни было ином. Однако мудрость вождя приучила столь разнообразные и многочисленные народности следовать единому приказанию, покоряться единой воле, при всем непостоянстве и изменчивости положений, когда судьба то весьма благоприятствовала ему, то противодействовала. Вот почему нельзя не дивиться даровитости вождя в Ганнибале и не утверждать с уверенностью, что, начни он осуществление своего замысла с других частей мира и закончи римлянами, Ганнибал довел бы благополучно свое дело до конца».

У карфагенян была великолепная конница, состоявшая в основном из нумидийцев — искуснейших наездников. После покорения Испании ее народы также пополнили ряды конницы Ганнибала. Ее превосходство над римской было неоспоримо, именно всадники обеспечили пунийцам важнейшие победы. Впрочем, и поражением в последней битве 2-й Пуниче-

ской войны карфагеняне обязаны коннице: нумидийский царь Масинисса перешел на сторону римлян, и таким образом самое эффективное оружие обратилось против пунийцев.

В карфагенском войске состояли другие признанные мастера своего дела — балеарские пращники. Казалось бы, занятие нехитрое, и материал для стрельбы валялся прямо под ногами. Приспособление для стрельбы представляло собой ремень или веревку, сложенный вдвое. Один конец ремня сворачивался в петлю и одевался на кисть пращника. В центре имелось расширение для метательного снаряда, а второй конец оружия пращник сжимал в кулаке. Затем воин вращал пращу над головой и в момент самого сильного взмаха отпускал свободный конец ремня или веревки.

Все просто, но необходимо было запустить камень во врага и попасть в него, а не в лоб стоящего рядом товарища, подобрать снаряд, чтобы он не выскользнул во время раскручивания пращи. Это уже большое искусство, которому жители Балеарских островов обучались всю жизнь.

«Оружие островитян составляют три пращи, одну из которых они обматывают вокруг головы, другую — вокруг туловища, а третью держат в руках, — рассказывает Диодор Сицилийский. — Во время боевых действий они мечут камни, намного большие, чем другие (пращники), и притом с такой силой, что кажется, будто снаряды посылает катапульта. Поэтому при штурме крепостных стен они поражают (воинов), стоящих между зубцами, нанося им тяжелые раны, а в сражениях пробивают щиты, шлемы и любой доспех. Стреляют они так метко, что почти никогда не бьют мимо цели. Причина того — постоянные упражнения с самого детства, поскольку матери заставляют маленьких детей (то и дело) стрелять из пращи, а целью является прикрепленный к шесту хлеб: обучающийся не получает еды, пока не попадет в хлеб, — только тогда мать позволяет ему взять и съесть (этот хлеб)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.